

УДК 821.112.2"17/18"

РОМАН ВОСПИТАНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ЖАН-ПОЛЯ*Л.К. Габдулатзянова***Аннотация**

В статье предпринимается попытка проследить эволюцию романа воспитания в творчестве немецкого писателя рубежа XVIII – XIX вв. Жан-Поля Фридриха Рихтера. Кроме пяти романов Жан-Поля объектом исследования являются также утвердившиеся в роли парадигмы воспитательного романа «Годы учения Вильгельма Мейстера» Гёте. Особое внимание уделяется сравнению жанровых признаков романа воспитания в произведениях Жан-Поля и Гёте. Используя при анализе историко-литературный и сравнительный методы исследования, автор приходит к выводу о недооценённости роли Жан-Поля в истории немецкого романа воспитания.

Ключевые слова: роман воспитания, Жан-Поль, Гёте, тема воспитания, образ развивающейся личности, образ мира, воспитательный конфликт.

Современная наука за редкими исключениями (см. [1]) пытается совместить два противоположных подхода к трактовке немецкого романа воспитания. Один из подходов основан на утверждении его типологической неомогенности, другой – на признании «Годов учения Вильгельма Мейстера» И.В. Гёте идеальной моделью жанра. В работах исследователей романа воспитания при постоянном внимании к личности и отдельным произведениям немецкого политического писателя-моралиста Жан-Поля (Иоганн Пауль Фридрих Рихтер, 1763–1825) отсутствует целостный взгляд на функционирование воспитательного романа в его творчестве. В результате большинство читателей сталкивается с вопросами: почему автор романа «Титан», являющегося пародией на роман «Годы учения...», считается одним из создателей жанра? Какую – благотворную или негативную – роль в истории немецкого романа воспитания сыграла полемика Жан-Поля с Гёте? Насколько ощутимым оказалось жан-полевское влияние на немецких романистов?

Этот комплекс вопросов исследуется в нашей статье, что и определяет её новизну. Мы исходим из того, что 1) роман воспитания типологически неоднороден, 2) «Годы учения Вильгельма Мейстера» Гёте – инвариант не романа воспитания вообще, а только той его разновидности, которую можно назвать риторическим, гётевским, мастерским или общественно значимым типом романа воспитания.

Во второй половине XVIII в. для немецкого национального менталитета с характерными для него жаждой совершенства, поисками призвания и ориентированностью на исполнение долга сложилась особенно благоприятная атмосфера: само время, названное веком Просвещения, отличалось особым вниманием

к проблемам воспитания человека и создания идеального общества, и лучшие романы из обрушившегося тогда на Германию потока книг испанских, французских и английских писателей ставили целью исследование личностного самосовершенствования. Поэтому не удивительно ни то, что немецкий роман в ту раннюю пору своей истории предстал как дидактическое прозаическое произведение, изображающее становление добродетельного и разумного человека, то есть как «роман воспитания» (*Bildungsroman*), ни то, что в дальнейшем эта романная разновидность стала в Германии преобладающей.

Самый ранний зрелый образец немецкого романа воспитания, по мнению российских учёных, представил К.М. Виланд¹. Но уже современникам были очевидны такие недостатки «Истории Агатона» (1767), как избыточный дидактизм, схематизм, перенесение во времена античности истории героя, отсутствие национальной самобытности. И.К. Вецель в «Германе и Ульрике» (1780), Т.Г. Гиппель в «Жизненных путях по восходящей линии» (1781), Жан-Поль в «Геспере» (1796) показали формирование личности в условиях современной им Германии. Под влиянием Л. Стерна они использовали более свободную форму, чем Виланд, и создали образы героев, менее схематичные по сравнению с Агатом. Однако первым, кто в полной мере раскрыл потенциал молодого жанра, стал И.В. Гёте, воплотивший в «Годах учения Вильгельма Мейстера» (1796) просветительские представления о воспитании совершенного гражданина.

Не ставя под сомнение ценность наследия Гёте, всё же отметим, что литературоведением рецепция «Вильгельма Мейстера» трактуется искажённо: факты первоначально восторженного восприятия книги Гёте как «чистого вида романа» [3, с. 102] и последующего её упреждения в роли эталона романа воспитания всячески подчёркиваются, в то время как масштабы антимейстеровской фронды намеренно преуменьшаются. Между тем радикально настроенные современники великого писателя, мечтавшие о кардинальных преобразованиях в отсталой Германии, отвергли созданный Гёте образ пассивного и лояльного героя-конформиста как не соответствующий реальным условиям немецкой политической и духовной несвободы. В то же время романтики и их поклонники увидели в «Годах учения...» пренебрежение к индивидуальным и эстетическим началам, моралисты обнаружили в этой книге попрание нравственных ценностей, верующие – религиозных.

С точки зрения оппозиции создателю «Вильгельма Мейстера» Жан-Поль, неизменно восхищавшийся талантом Гёте, но не принимавший социально-идеологической, этической и эстетической основ его творчества, является одной из наиболее репрезентативных фигур. За ним давно и прочно закрепилась репутация антипода Гёте [4, с. 319; 5, S. 428], неизменно подтверждаемая также и в трудах, посвящённых изучению романа воспитания [1, S. 78–81; 6, с. 205; 7, с. 21].

На наш взгляд, Гёте и Жан-Поль продолжили две разные линии развития немецкого романа: в «Вильгельме Мейстере» достигла вершины та романная ветвь, в которой от Эшенбаха и Ауэ до Лоэнштейна и Циглера пропагандировались принципы коллективной морали и гражданских доблестей, а книги Рихтера

---

¹ Немецкие исследователи отсчёт истории романа воспитания нередко начинают с «Вильгельма Мейстера» И.В. Гёте [1, 2].

унаследовали традиции известного своей социальной резиньжацией демократического романа Мошероша, Гриммельсгаузена и Вейзе. Полагаем, это было обусловлено совокупностью социально-экономических, психологических и эстетических причин: если трудолюбие Гёте, вышедшего из привилегированных и состоятельных буржуазных кругов, коренилось в ощущении собственной избранности, то в основе удивительной работоспособности Рихтера, происходившего из бедной и бесправной среды мелкого бюргерства, наравне с жаждой творчества и признания лежал непреходящий страх перед нищетой; если для Гёте прогресс был связан с политическими реформами, то для Рихтера, особенно в юности, – с социальными преобразованиями; если Гёте в «Годах учения...» использовал принципы классицистической эстетики [8, с. XXI], то в романах Жан-Поля, склонного к литературному экспериментаторству, проявился выработанный им необычайно сложный индивидуальный стиль, органично соединивший барокко [9, с. 278] с сентиментализмом [5, с. 205; 10], предвосхитивший романтизм [11, с. 61] и бидермейер [12, с. 11] и решительно отторгавший классицизм [13, с. 135–137].

Исследователи романа воспитания ограничиваются обращением к двум ранним произведениям Жан-Поля, романам «Геспер» и «Титан», вероятно, потому, что изображённые в них поступательно развивающиеся Виктор и Альбано, проникнутые гражданственными идеалами, воспринимаются как типичные для изучаемого жанра персонажи. Однако внимание Рихтера к проблеме становления личности было неизменным, и пять из шести написанных им романов в той или иной степени тяготеют к воспитательному роману.

Если роман «Невидимая ложа. Жизнеописание» (1793), изображающий формирование юного Густава как процесс, жёстко регулируемый наставником, является скорее одним из очень редко встречаемых в немецкой литературе в чистом виде образцов педагогического романа (*Erziehungsroman*), то «Геспер» (1796), несомненно, роман воспитания. Не случайно В. Дильтей, характеризуя столь важную для этого жанра категорию, как становящийся герой, обратился к нему наравне с «Годами учения...»¹, хотя и не придавал значения тому факту, что жанролевский формирующийся герой свои отношения с миром строит на иных, чем гётевский персонаж, основах: Виктору абсолютно чужда политическая лояльность Мейстера, свой гражданский долг он видит в способствовании революционному преобразованию общества, а нравственную обязанность – в сохранении внутренней независимости и добродетельности.

В «Зибенкезе» (1797), соединяющем черты семейного романа, социального романа и романа воспитания, решение проблемы развития личности потребовало от Жан-Поля усиления напряжения между «я» и внешним миром. Продолжение поступательного становления адвоката бедных Зибенкеза оказывается невозможным без разрыва с социумом. Инсценировав собственные похороны, он освобождается от сковывающих общественных связей и обязанностей (и предоставляет свободу своей жене Ленетте), соединяется с любимой им Натали

---

¹ «От «Вильгельма Мейстера» до «Геспера» все они [романы воспитания] показывают, как юноша тех дней в блаженных сумерках неведения вступает в жизнь, ищет родственные души, находит дружбу и любовь, как преодолевает трудности; так он созревает, обретая жизненный опыт, находит себя, своё предназначение в мире» [14, S. 327].

и обретает своё подлинное «я»: герой, в юности поменявшийся именем со своим социально критичным и нравственно безупречным другом, являющимся для него образцом личного самоосуществления, возвращает настоящее имя Лейбгебер.

В политическом романе «Титан» (1803) тема воспитания играет очень важную роль, и, воплощая её, Жан-Поль вступает в полемику с Гёте. Эволюцию нравственно безупречного, религиозно-добродетельного, внутренне свободного и просвещённого князя-революционера Альбано он изображает на фоне инволюции Рокероля, являющегося пародией на Мейстера. Желая доказать несостоятельность двух столь важных для понимания «Годов учения...» идей (только дворянину доступно всестороннее личное развитие, только театр позволяет бюргеру полностью выразить себя и на время освободиться от сословной несправедливости), Рихтер подчёркивает, что соединение высокого происхождения с артистическим талантом становится залогом не совершенства, а деградации Рокероля: будучи аристократом, он развращён, будучи театральной натурой, приучен к притворству и обречён на искажённое, через призму искусства, восприятие действительности, на существование в мнимом, искусственно-эстетическом, измерении [1, S. 78–83].

В той же мере, что и «Титан», «антивеймарским» [13, с. 127] произведением могут быть названы «Озорные годы» (1805), представляющие собой синтез социального и воспитательного романов. Жан-Поль, вновь споря с Гёте, бичует пороки аристократии и показывает формирование двух братьев, являющихся бюргерами, двух равно положительных типов: добродетельно-идеалистичного Вульта и добродетельно-практичного Вальта.

В позднем романе «Комета» (1822) Рихтер, разочаровавшийся в социально-политических надеждах юности, изображая безумного Николая Маркграфа, возмнившего себя просвещённым и справедливым маркграфом Николаем, не только создал автопародию на собственных героев-преобразователей Виктора и Альбано, но и предельно гипертрофировал выраженную им в «Зибенкесе» и «Озорных годах» идею возможности автономного самоосуществления нравственно безупречной личности.

Таким образом, не только «Геспер» и «Титан», но также «Зибенкес», «Озорные годы» и «Комета» могут быть соотнесены с романом воспитания. В творчестве Жан-Поля роман воспитания не оставался неизменным: усиление резиньяции обернулось отделением в «Комете» воспитательной идеи от политической. Однако это обстоятельство не препятствует возможности рассматривать воспитательные романы Рихтера как единый развивающийся организм.

Теперь постараемся выявить различия в наполнении важнейших жанровых признаков романа воспитания в произведениях Гёте и Жан-Поля. Начнём с указания на то, что произведения Рихтера отличаются от признанного жанрового канона характером *назидательности*: в то время как просветитель Гёте учил гражданственным добродетелям, христианин, моралист и политический писатель Рихтер, в силу чрезвычайной эклектичности своего мировоззрения не укладывающийся в рамки Просвещения, ставил перед собой задачу воспитывать в читателях индивидуальную нравственность, основанную на христианской этике и нетерпимости к социальной несправедливости. Отмеченное объясняет, почему при раскрытии *темы воспитания* Жан-Поль, в отличие от Гёте, выходил за рамки

её социального аспекта и много внимания уделял утверждению необходимости формирования у наставляемой личности этических и религиозных представлений.

Расходились Гёте и Рихтер и в трактовке образа *развивающегося героя*. В «Вильгельме Мейстере» изображается процесс двухэтапного становления-«перевоспитания». Гёте, уверенный в воспитательной ценности ошибок и проступков¹, заставляет своего героя, пройдя через духовный кризис, отречься от планов, внушённых эгоизмом юности, и превратиться в нравственно безупречного человека, посвятившего себя общественно полезной деятельности. Жан-Поль же был приверженцем идеи поступательного развития позитивной личности, постепенно раскрывающей свой богатый потенциал. Не веря в возможность духовного перерождения человека, заражённого эгоизмом, нравственно-религиозным скептицизмом и чрезмерным эстетством, он, как явствует из подготовительных набросков к «Титану», на примере демоничного Рокероля решил показать более вероятный сценарий судьбы героя мейстеровского склада: «...Проходит через отвагу, творчество, страсть, пьянство – его окружает глухая пустота жизни – умирает без веры и неверия – не имеет напоследок ничего кроме тщеславия – кончает с собой на сцене театра, как Франц Моор» (см. [15, с. 7]).

Совершенно очевидны различия между Гёте и Рихтером в воплощении *образа мира*. Если в «Годах учения...» статичность идейно доминирующего образа мира и предопределённость решения конфликта закономерно приводят к сосредоточению внимания на «неготовом» герое, то в романах Жан-Поля образ мира играет не менее важную роль, чем образ становящейся личности. Рихтер изображает мир как одушевлённую, противоречивую, изменчивую стихию, ничем не напоминающую застывший в своём совершенстве, бесстрастный, авторитарный, упорядоченный гётевский мир. Для него как писателя-моралиста абсолютно неприемлемым оказывается и характерное для творчества Гёте стремление диалектически уравновесить позитивный и негативный аспекты мироздания, он воспринимает это как нивелирование Добра и Зла. Сложность, противоречивость мира Рихтер демонстрирует, противопоставляя «проявленной» действительности таинственные, фантастические аспекты бытия, соприкоснуться с которыми человеку удаётся, только раскрыв сознание в состояниях сна, творчества, опьянения и любви. Что касается действительного мира, то он у Жан-Поля, оппозиционирующего природу и цивилизацию, лачуги и дворцы, провинцию и крупные города, предстает разнополюсным, атрибутивно несовершенным, а в ипостаси «мир – общество», как правило, враждебным по отношению к человеку. Внимание Рихтера, в отличие от Гёте, привлекает и «космический мир», являющийся «грандиозной аллегорической конструкцией идеальной меры», хотя он вторичен и нужен главным образом для того, чтобы отражать и постигать «мир действительности обыденной, житейской, социальной, политической и т. д.» [16, с. 44].

По-разному подходили Гёте и Жан-Поль и к трактовке *воспитательного конфликта* «*Ich – Welt*». Как известно, Вильгельм Мейстер – персонаж пассивный, он не только не стремится к самостоятельности, но и, полностью доверившись

¹ «Воспитателю людей должно... направлять заблуждающегося и даже попускать его полной чашей пить свои заблуждения... Кто лишь отведал заблуждения, тот долго будет привержен ему, будет ему рад, как редкому счастью, кто же до конца испил чашу, тот неминуемо поймёт, что заблуждался...» (Г.У., с. 406–407).

тем силам, которые им руководят, не замечает своего зависимого положения. Что касается героев Рихтера, то все они неизменно оказываются перед выбором – отказаться от индивидуальности и свободы ради обретения отрадного чувства спокойной безответственности или самостоятельно направлять течение своей жизни, расплачиваясь за это сомнениями и ошибками. Это объясняет, почему в произведениях Рихтера представлен чрезвычайно широкий спектр способов взаимодействия личности с внешним миром. Наряду с органичным растворением в обществе, обусловленным как убежденностью в собственной незначительности (Ленетта (З.)), так и представлениями о практической и этической целесообразности активно-лояльной жизненной позиции (Вальт (F.)), писатель показывает противостояние несправедливому мироустройству, проявляющее себя двояко: 1) в виде борьбы с социальным злом (правда, речь должна скорее вестись о намерении вступить в борьбу, так как ни Виктору (Н.), ни Альбано (Т.), ни маркграфу Николаю (К.) не удаётся приступить к реализации своих революционных проектов) и 2) в форме пассивного сопротивления экспансии мира, будь то отшельничество (Зибенкез (З.)), социальное аутсайдерство (Вульт (F.)) или уход в воображаемый идеальный мир (Николай Маркграф (К.)). Кроме того, он показывает, как обретает подлинную гармонию с миром носитель религиозно-нравственных чувств – «высокий человек», «гений» (Шпернер (Н.), Эмануэль (Т.)).

Кстати, образы «высоких людей», на наш взгляд, указывают на перемещение Рихтером *утопических тенденций*, столь характерных для воспитательного романа, из социальной сферы в интеллектуальную: в то время как в «Вильгельме Мейстере» отражена уверенность Гёте в неизбежности установления царства разума и справедливости при условии целенаправленной деятельности людей на благо общества, в произведениях Жан-Поля, убежденного в трагическом несовершенстве мироздания, разрешение диссонансов условно – оно возможно только в высокоорганизованном сознании «высокого героя» или повествователя, чем отчасти и объясняется неизменное вмешательство Жан-Поля в повествование «как в роли собственно автора, так и критика своего произведения, действующего лица романа» [10, с. 150].

В «Приготовительной школе эстетики» (1804) Рихтер теоретически обосновал отличие своих романов от «Вильгельма Мейстера», соотнеся книгу Гёте с формой эпического романа, а собственные произведения – с признаваемой им «даже лучшей» [17, с. 257] формой драматического романа. Полагаем, мысль Жан-Поля о том, что эпический роман «отражает и несёт в себе не столько одного героя, сколько целый мир» [17, с. 257], вполне соотносится с нашими рассуждениями о превалировании в «Вильгельме Мейстере» целого (мира) над частным – личностью, принимающей собственную вторичность, а его замечание о том, что «путь» драматического романа «выводит не на просторы целой истории, а на ристалище характеров, и этим ограничивается» [17, с. 257], сопровождающееся указанием на родственность подобных произведений с драмой, цель которой – изображение конфликта, рождённого столкновением личности с миром, подтверждает наши размышления о специфике воплощения воспитательного конфликта Рихтером.

Отказ Жан-Поля следовать в своих романах путём, проторённым гениальным Гёте, вышел за рамки факта индивидуальной биографии писателя: если

«Годы учения...» положили начало ряду риторических романов воспитания, утверждающих идею социального конформизма (таких, как «Приход и расход» Г. Фрейтага, «Зелёный Генрих» Г. Келлера, «Волшебная гора» Т. Манна, диалогия Г. Манна о Генрихе IV, пролетарские романы 20-х годов XX столетия, изображающие процесс приобщения к революционной идеологии, националистические и фашистские романы воспитания, восточногерманские романы о формировании граждан немецкого социалистического государства), то «Геспер», «Титан», «Зибенкез» и «Комета» породили череду воспитательных романов, призванных доказать превосходство идеи индивидуальной нравственности над принципом общественной пользы (таких, как «История Петера Шлемиля» А. Шамиссо, «Летопись Птичьей слободы» В. Раабе, «Игра в бисер» Г. Гессе, «Глазами клоуна» Г. Бёлля, «Жестяной барабан» Г. Грасса, «Буриданов осёл» Г. де Бройна, «Размышления о Кристе Т.» К. Вольфа).

Проведённое исследование позволяет сделать вывод, что роль Жан-Поля в истории немецкой литературы является более значительной, чем принято считать. Обратившись к популярной повествовательной форме, Рихтер выразил собственные социальные, политические, воспитательные, этические, религиозные и художественные представления. Изображая способы личностного самосо осуществления, он вступил в полемику с Гёте, чьи «Годы учения Вильгельма Мейстера» в восприятии современников уже имели статус парадигмы романа воспитания. Созданные им «Геспер», «Зибенкез», «Титан», «Озорные годы» и «Комета», провозглашающие непреходящую ценность принципа индивидуальной нравственности, вот уже двести лет во многом определяют направление развития всей совокупности нериторических и антириторических типов немецкого романа воспитания.

Summary

L.K. Gabdulatzyanova. The Bildungsroman in the Works of Jean-Paul.

This article attempts to trace the evolution of the Bildungsroman in the works of Jean-Paul Friedrich Richter, a German writer of the turn of the 18th – 19th centuries. Along with the five novels written by Jean-Paul, we study Goethe's "Wilhelm Meister's Apprenticeship" traditionally perceived as the classical example of the Bildungsroman. Special attention is paid to the comparison of the Bildungsroman genre characteristics in Jean-Paul's and Goethe's works. Using historical-literary and comparative methods of research, we find Jean-Paul's contribution in the history of the German Bildungsroman to be underestimated.

Key words: Bildungsroman, Jean-Paul, Goethe, subject of upbringing, image of a developing personality, image of the world, upbringing conflict.

Источники

- H. – *Jean Paul. Hesperus oder fünfundvierzig Hundposttage. Eine Lebensbeschreibung.* – München: Piper Verlag GmbH, 1990. – 849 S.
- Z. – *Rихтер Ж.-П.Ф. Зибенкез / Пер. с нем. А.Н. Кардинского.* – Л.: Гослитиздат, 1937. – LXI + 574 с.
- T. – *Jean Paul. Titan.* – Leipzig: Insel Verlag, 1983. – 903 S.
- F. – *Jean Paul. Flegeljahre.* – Stuttgart: Reclam Verlag, 1970. – 583 S.

К. – *Jean Paul*. Der Komet. – Zürich: Manesse Verlag, 2002. – 768 S.

Г.У. – *Гёте И.В.* Годы учения Вильгельма Мейстера / Пер. с нем. Н. Касаткиной // Гёте И.В. Собр. соч.: в 10 т. – М.: Худож. лит., 1978. – Т. 7. – 526 с.

Литература

1. *Selbmann R.* Der deutsche Bildungsroman. – Stuttgart; Weimar, 1994. – 191 S.
2. *Jacobs J.* Wilhelm Meister und seine Bruder. Untersuchungen zum deutschen Bildungsroman. – München, 1972. – 332 S.
3. *Новалис*. Фрагменты // Литературные манифесты западноевропейских романтиков. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. – С. 94–107.
4. *Гёппес Й.* О сочинениях Жан Поля Фридриха Рихтера // Эстетика немецких романтиков. – М.: Искусство, 1987. – С. 311–341.
5. *Dilthey W.* Von deutscher Dichtung und Musik. – Leipzig, 1933. – 527 S.
6. *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. – М.: Худож. лит., 1975. – 502 с.
7. *Гайжюнас С.В.* Роман воспитания: Поэтика и типология жанра: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1980. – 186 с.
8. *Адмони В.Г.* Роман Жан-Поля // Рихтер Ж.-П.Ф. Зибенкез. – Л.: Худож. лит., 1937. – С. V–LXI.
9. *Михайлов А.В.* Иоганн Беер и И.А. Гончаров. О некоторых поздних отражениях литературы барокко // Контекст – 1993: Лит.-теор. исслед. – М.: Наследие, 1996. – С. 263–295.
10. *Тронская М.Л.* Немецкий сентиментально-юмористический роман эпохи Просвещения. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1965. – 248 с.
11. *Ханмурзаев К.Г.* Немецкий романтический роман. Генезис. Поэтика. Эволюция жанра. – Махачкала, 1998. – 332 с.
12. *Иванова Е.Р.* Литература бидермейера в Германии XIX в.: Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2008. – 384 с.
13. *Бройн Г. де.* Жизнь Жан-Поля Фридриха Рихтера / Пер. с нем. Е. Кацевой. – М.: Прогресс, 1978. – 299 с.
14. *Dilthey W.* Das Erlebnis und die Dichtung. Lessing, Goethe, Novalis, Hölderlin. – Leipzig, 1906. – 477 S.
15. *Седов А.В.* Соотношение внутреннего и внешнего мира в художественной структуре романа Жан Поля «Титан»: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2003. – 169 с.
16. *Михайлов А.В.* «Приготовительная школа эстетики» Жан-Поля – теория и роман // Жан-Поль. Приготовительная школа эстетики. – М.: Искусство, 1981. – С. 7–45.
17. *Жан-Поль.* Приготовительная школа эстетики. – М.: Искусство, 1981. – 448 с.

Поступила в редакцию
11.10.10

Габдулатзянова Лилия Кариповна – старший преподаватель кафедры русского языка и литературы Набережночелнинского института социально-педагогических технологий и ресурсов.

E-mail: l.gabdulatzyanova@yandex.ru